

18+

ВИКТОР УЛИН
И
Т
ИХ ТАЙНА

Виктор Улин

О. и Т. Их тайна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69710848

ISBN 9785006059399

Аннотация

Два друга, два одиноких сорокалетних мужчины нашли двух сестер для нецеломудренных встреч. Изначально казалось, что квартет устойчив и равносторонен. Но постепенно выяснилось, что между сестрами не все так просто, да и приоритеты друзей существенно отличаются. Один погрузился в багровую пучину порока, второй попытался переустроить и приподнять свою жизнь. Принесет ли разрешение сюжета всеобщее счастье? Это решать читателю. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава первая	5
1	5
2	13
3	18
4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

О. и Т. Их тайна

Виктор Улин

Моему другу В.

Дизайнер обложки Виктор Улин

Фотограф Виктор Улин

© Виктор Улин, 2023

© Виктор Улин, дизайн обложки, 2023

© Виктор Улин, фотографии, 2023

ISBN 978-5-0060-5939-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*«И будет в тот день: горы будут капать вином
и холмы потекут молоком и все русла Иудейские
наполнятся водою, а из дома Господня выйдет
источник и будет напоять долину Ситтим.»*

(Иоил. 3:18)

Глава первая

1

– Мать вашу через шестьсот шестьдесят шесть коромысел! – воскликнул я.

Слова относились к пешеходному светофору, который неожиданно переключился на красный.

Пятница была вчера, но из города хлынули прочь лишь субботним утром.

Мой черный «*Insignia*» с трудом продирался сквозь запруженные машинами улицы. Впрочем, из такой толчеи вряд ли бы вырвался даже какой-нибудь «*Матиз*».

Указатели напряжения, температуры и бензина в правом колодце стояли враскорячку.

Стрелка спидометра тосковала по крайней отметке «270», АККП безнадежно мечтала о шестой повышающей передаче.

Навигатор молчал.

Мое утро изначально не задалось.

Как всегда по выходным, я решил побаловать себя изысканным завтраком. Сегодня захотелось авокадо с сыром. Фрукт должен был быть кубиками, сыр – соломкой.

Для прецизионной нарезки пришлось поправить англий-

ский нож из стали «*три-хром-тринадцать*». По окончании процедуры, еще не проснувшись до конца, я уронил свой керамический мусат.

Пол на кухне был кафельным. Мусат раскололся на куски, обнажил нетронутое нутро – белое, как душа наивной девственницы.

От взрыва моей брани, вероятно, хлопнули двери пожарной лестницы на смежных этажах.

Дело было не в том, что оригинальное японское изделие стоило немалых денег и его приходилось заказывать по Интернету. Я впадал в иступление, когда вот так глупо ломалось что-то, составляющее мой полностью благоустроенный быт.

О сегодняшней поездке мы договорились на неделе, но меня прохватило желание хлопнуть кофейную чашку джина, позвонить другу и все отменить, сославшись на какой-нибудь форс-мажор.

Через минуту я подумал, что нарушать договоренность несолидно. Да и намечающееся действие тоже чего-то стоило.

Отменять я ничего не стал, собрал осколки мусата на совок и стряхнул в мусорное ведро.

Оказавшись в любимой машине – к которой я относился с той же нежностью, что герои «*Трех товарищей*» – я осознал, что жизнь еще не кончена.

И ехать на встречу с кем-то было лучше, чем тупо напи-ваться одному до вечера.

– Слушай, Валерка... – заговорил я, тронувшись на зеленый. – Ты так быстро подписал меня на это дело, что я даже не понял, какие они.

Колонна ползла медленней, чем гусеница, выпавшая из яблока.

Не верилось, что мы когда-нибудь достигнем точки назначения.

– Грудастые-ногастые, задастые-пиздастые, – ответил друг. – А главное – ебучие. Особенно так, которая старше. Причем без всяких мани-мани.

– А ты что, их... уже попробовал?

– А как ты думаешь, Витя? стал бы я звать тебя не пойми к кому? Нашел их на датинговом портале. Ну, то есть сначала списался с одной. Договорились встретиться у нее, приехал. Только начали – открывается дверь и приходит вторая.

– Так ты что, занимался с ними групповым сексом? – уточнил я, словно это имело значение.

– Видишь ли, Витя...

Валера переложил по-другому длинные ноги, потом без нужды отодвинул и тут же закрыл обратно ребристую шторку ящика на коробе за селектором.

– ...Я не писатель и не поэт, мне не хватает слов, не могу объяснить. Но по отношению к ним понятие «групповой-негрупповой» неприменимо. Для них вообще секс – это не секс, а образ существования. *Modus vivendi*, как сказал бы Корнелий Тацит или кто там еще есть из латинских мудре-

цов?

– А говоришь, не поэт, Валерович! – я усмехнулся. – Поэт, и еще какой, Вергилий отдыхает. «*Чести ища Менелаю, тебе, человек псообразный*».

– Кто-кто? это откуда?

– Да никто. Откуда не помню – кажется, из «*Илиады*», читал в детстве. Неважно.

Впереди наконец рассосалось.

Я слегка надавил на газ, трехлитровый двигатель благодарно заурчал.

– Что ты имел в виду под сексом и не сексом?

– Для обычных людей секс – это после вздохов на скамейке, глаза в глаза и так далее по списку. А для них трахнуть – все равно, что поесть или попить. Ну, в крайности, как моей бывшей жене – пописать.

– Или как моей бывшей, никем на разу не выебанной, теще, сто херов ей в глотку...

– Витя, ты не прав, – перебил Валерка. – Если она была твоей тещей, значит ее хоть раз кто-то выебал.

– Верно, – согласился я. – И вообще ну ее к черту, не утром будь помянута. А как ты с ними договорился насчет сегодня?

– Так же просто. Предложил поехать на дачу. Спросил, не будут ли против, если со мной будет друг.

– И они были не против?

– А ты как думаешь? Все идет, как надо.

– А как же любовь? – насмешливо спросил я, не ожидая ответа.

Мы с Валерой – бывшие сокурсники, нынешние друзья – заканчивали размен четвертого десятка.

Наше сходство казалось абсолютным.

Семейная жизнь у обоих не сложилась; правда расстаться с женами удалось с минимальными потерями, без детей.

Работа не приносила ни удовольствия, ни доходов, позволяющих отдыхать на Мальдивах. Она всего лишь удерживала на зловонной поверхности жизни.

Единственной неизменной радостью пока оставался секс.

Без него все было бы плоским и неволнующим, как фильм по роману Джейн Остин.

Тут мы различались, дополняя друг друга. В сексуальном аспекте Валерка был безбашенным Моцартом, я оставался рассудительным Сальери.

Такое сочетание обеспечивало идеальность нашего тандема.

Идеальным было и то, что Валере от исчезнувших во мраке жизни родителей осталась дедова дача за городом. У меня имелась машина.

Точнее, машины имелись у меня одна за другой с позднего студенчества.

Автомобили составляли одну из главных радостей жизни, порой казались даже более важными, чем секс.

Нынешний лимузин – официально принадлежащий

к «среднему» классу, на самом деле имеющий уровень «бизнеса» – означал внешнюю видимость успеха, хотя я еще не выплатил автокредит.

Мы часто развлекались, пригласив двух подружек. Валеркина дача была подходящим местом: прилепившись на склоне известняковой горы, она имела рельеф, позволяющий спрятаться и от соседей и друг от друга.

Каждый год, прожитый после тридцати, напоминал, что время работает против нас; хотелось урвать все возможное.

Слова насчет «*money-money*» имели смысл.

Мы никогда не покупали проституток, но большинство женщин с сайтов знакомств вымогали блага, рестораны и подарки. Лишь немногие отдавались ради любви к процессу.

Найденные Валеркой на эту субботу были подобны нам в стремлении к приключениям.

– Они замужние?

Этот вопрос являлся существенным.

Семейный статус не имел корреляции с сексом на стороне, чужих мужей мы не опасались.

Устои брака тоже ничего не стоили.

Как раз напротив: замужние женщины познали горести супружества и знали, что им надо от жизни.

А в незамужних – как косточка в спелом сочном манго – всегда таилась матримониальная угроза,.

Потому все следовало прояснить сразу, чтоб при необходимости проявлять осторожность.

– Угадал.

– Ну, Валергофер, итить-колотить...

Я затормозил перед поворотом.

Тяжелый кузов присел без скрипа.

– ...Вырисовывается какой-то Евгений Онегин. Дай бог, чтоб мы с тобой не перестрелялись из-за этих сестер!

– Не перестреляемся, Витя. Они, конечно, «*O.*» и «*T.*», но среди нас нет «*E.*», а два «*B.*» друг другу не опасны.

2

Мы въехали в район с плебейским названием «Тужиловка», долго плутали по старому жилому кварталу, застроенному убогими девятиэтажками.

Двор, в котором стояла точка цели, оказался узким.

С парковки выступали помятые «Газели», у подъездов громоздились мусорные баки. Везде торчали круглые бетонные надолбы, разрисованные красным, белым и черным под божьих коровок.

Дом был длинным, как упавшая башня, у дальнего конца склонились старые липы.

Оставалось неясным, есть там сквозной проезд или придется выбираться задним ходом, поскольку разворот отнял бы слишком много нервов.

В любом случае, втягиваться сюда на роскошной машине было верхом неразумия.

Я затормозил около угла, не проезжая дальше.

– Вон они, ждут! – сказал Валерка. – Посигналь, чтобы подошли.

Около третьего крыльца стояли две женщины.

Та, которая выглядела моложе, была повыше ростом.

– Мы не хачики, а они не бляди, чтобы подбегать по сигналу, – возразил я. – Сходи позови. Тебе, Валерун, полезно размять жиры.

– Как скажешь, шеф, – ответил друг.

Вдохнула и выдохнула пассажирская дверь.

Я услышал мерзкие детские вопли, уловил вонь мусоропроводов.

Здесь жили люди, еще более неуспешные по жизни, чем мы.

Я развернулся, чтобы после посадки пассажирок уезжать без секунды промедления.

Дверь снова распахнулась – теперь уже сзади.

Ко мне ворвалось бездумное лето, сконцентрированное в шорохе цветастых сарафанов и запахе свежих женских тел.

Раздались следующие звуки: рядом опять опустился Валерка.

Потрясенные моим шоколадным кожаным салоном – натурально пахнущим всем, что парни из Нижегородки имитируют освежителем – спутницы молчали.

Вырулив на проходную улицу, я почувствовал себя почти на свободе.

Молчание зависло; Далида, поющая из трехполосной аудиосистемы, подчеркивала общую отстраненность.

– Виктор, – представился я, быстро выглянув из-за подголовника.

Коленки, сияющие на заднем сиденье, обрадовали.

– Мы знаем, Валера говорил, – раздался голос младшей.

– Татьяна, – ответила старшая.

– А я, так уж и быть, Ольга.

Дорога оказалась на удивление свободной, я поехал быстрее.

Боковым зрением я заметил, что Валерка утирает пот.

– Валерштейн, убавь температуру своей стороны, – сказал я. – Там стоит повышенная.

– А... как?..

В компьютерах друг знал на порядок больше моего, хоть мы и выпускались с одной кафедры.

Но в машинах он абсолютно ничего не понимал: не имел прав, не умел водить, не разбирался в деталях.

– Справа от середины значок сиденья, – подала голос Ольга. – Там температура и две стрелки. Нажми вниз синюю.

Осведомленность младшей сестры удивила.

– Это же у вас «Рено»? – спросила она прежде, чем я успел сформулировать комплимент.

– То, что делает «Рено» – не машины, а...

Я осекся.

Привычная присказка вырвалась автоматически; лишь начав говорить, я осознал, что озвучиваю ее незнакомой женщине.

– ...Извините, погорячился. В общем... «Рено» – это... Неважно. А у меня – «Опель».

– Крутая машина. Красивая и роскошная.

– А мне нравится шестисотый «Мерседес», – с едва уловимым оттенком вызова вклинилась старшая.

– Конкретной машины «шестисотый» не существует, –

с некоторой долей жесткости возразил я, решив сразу расставить точки и сверху и снизу. – В модельном ряду «Mercedesa» есть кузова: «сто двадцать третий», «сто двадцать четвертый», «сто двадцать шестой», «сто сороковой», «двести десятый» и так далее. «Шестисотый» означает лишь то, что двигатель имеет объем шесть тысяч кубических сантиметров. А такой может стоять даже на «четыре-реста шестидесятом» – джипе «Гелендваген», коробке с колесами.

– А почему тогда «шестисотый», а не «шеститысячный»? – поинтересовалась Ольга, переждав уничтоженное молчание Татьяны.

– Не знаю, – честно ответил я. – Может, чтобы меньше нулей рисовать на шильдике. «Шеститысячный» – это ксенон, это из другой оперы. А вы молодец, разбираетесь в машинах.

Татьяна что-то пробормотала, Ольга заговорила дальше:

– Получается, что «шестисотый» едет быстрее, чем нешестисотый с тем же кузовом?

– Не совсем. Объемом определяется мощность. Более мощный автомобиль имеет лучшую разгонную динамику. А скорость зависит не только от максимальных оборотов двигателя, но еще от коробки и от главной передачи.

– А где эта коробка? что такое «главная передача»?

– Объяснять на пальцах долго, – я повел головой. – Приедем на место, подниму капот, покажу.

На панели информационного центра возник кружок

с цифрой «40». Система бдила за дорожными знаками лучше, чем Яндекс-навигатор.

– Да знаю я, знаю, – в сердцах сказал я ей. – За меня не волнуйся.

Предстояло проехать еще черт знает сколько, прежде чем вырулить на трассу, включить круиз-контроль и забыть обо всем, кроме грядущих удовольствий.

Папка с Далидой закончилась, начался микс из хитов прошлого века.

– Какие все-таки болваны эти англичане, – ни с того ни с сего произнес Валерка. – Мерзнут на своих болотах, но каминные трубы делают снаружи, греют воздух.

3

Прежде на даче у нас все шло пристойно: одна пара занималась сексом в доме, вторая – на нижней террасе. По достижении результата партнерши менялись местами, переходили от первого к второму.

Я ни разу не видел Валерку обнаженным, да и женщины раздевались где-то в уголках, стесняясь происходящего.

Сегодня все пошло иначе.

Прежде, чем я успел упомянуть ббб коромысел, на Татьяна не остался лишь серебряный пирсинг, тускло поблескивающий в пупке, на Ольге — цепочка с золотой подковкой.

Валерка тоже разоблачился. Я старался не смотреть на его влоск обритые гениталии.

Гости непринужденно расхаживали по веранде.

В машине я не видел их за подголовниками, все пятьдесят километров лишь слушал шорох платьев и веселое перехихикивание. Сейчас наконец разглядел обеих.

При очевидном сходстве, выражающемся во всем: от неопределенного цвета волос до положения талии и относительной ширины бедер – сестры существенно различались, причем не только ростом.

Татьяна своим сильным, но не слишком приятным лицом напоминала Сигурни Уивер, хотя не имела ни капли сходства с актрисой.

Ольгу я бы не взялся описать или с кем-то сравнивать. Она просто понравилась мне – без всяких причин, на неясной основе.

Придя в себя после дороги, мы выпили минеральной воды.

Прежним женщинам для храбрости требовалось по стакану-другому вина.

Эта парочка была готова без допинга; несколько прихваченных бутылок белого и красного, сухого и полусладкого, остались нераспечатанными в моей дорожной сумке.

Разбиение на первоначальные пары прошло естественным образом.

Татьяна ухватила Валерку за причинное место и повела в сад, Ольга вопросительно взглянула на меня и я подтолкнул ее к трескучей лестнице.

Зоной разврата здесь служил второй этаж, на первом лишь готовились.

Тут дрожала египетская жара.

Широкая кровать, казалось, оплавилась до плоского состояния.

Я распахнул окно; стало еще жарче.

– Слушайте, давайте на стуле, что-то мне захотелось сидя, – предложила Ольга, когда я откинул горячее покрывало. – Для начала.

– Как прикажете... – согласился я. – Давайте.

Равновесие ко мне еще не пришло.

Валерка ощущал себя с сестрами, как пустомозглая полосатая рыбка между двумя кораллами.

Для меня – впадающего в возрожденческое титаномыслие – действие было слишком динамичным.

Стулья на мезонине стояли доисторические – не тонкие венские, а дубовые, приемлемые для нагрузок.

Я опустил, прочно оперся на спинку.

Нужный градус еще не пришел.

Ольга это заметила – умная, никуда не торопила, стояла, источая запах женщины.

Подстегивая себя, я опустил руку на низ ее сильно заросшего живота.

– Валерий просил меня побриться, а мне не хочется, не люблю.

Интимные места, выскобленные до зеркального блеска, были Валеркиным пунктиком.

Я не понимал таких пристрастий.

Мне нравилась буйная растительность семидесятых – известная, конечно, лишь по винтажной порнографии.

– Я тоже не люблю обритости, – сказал я. – У вас в самый раз, Ольга.

– Спасибо, Виктор, – она ласково улыбнулась. – Приятно слышать.

Что было в этом месте у Татьяны, я не помнил – точнее, не разглядел.

Я отметил лишь, что грудь у старшей в самом деле огром-

ная, а соски некрасивые, причем левый больше правого.

– Идите сюда, – позвал я.

В самом деле, смешно было томиться растерянностью, когда меня ждала обнаженная молодая женщина, а впереди ожидала другая.

– Только вы, пожалуйста, не торопитесь. У вас слишком большая пиписька.

– Какая она «большая»? – я невольно усмехнулся. – Мальчишкой дурью маялся, измерял – всего девятнадцать сантиметров... даже восемнадцать с половиной. Не думаю, что с тех пор она стала длиннее. Я не коньяк. чтобы с годами повышать качество.

– Я не о длине, о толщине, – с очередной улыбкой ответила Ольга.

– Так, может...

Младшая из сестер вдруг показалась нежной, как хрупкая лилия.

Заниматься с ней болезненным сексом мог лишь огородный колун.

– Да нет, Виктор, что вы!

Грудки качнулись вверх, вниз, в стороны.

Они были небольшими, но уже слегка обвисшими, с ровными крупными сосками – неожиданно темными при очень светлой коже.

– Просто в первый раз...

– Я не сделаю вам больно, – пообещал я.

Расставив ноги, Ольга опустилась на меня.

Внутри у нее оказалось узко, как в их дворе, но все-таки влажно и горячо.

Бедра, опустившиеся на меня, тоже оказались влажноватыми, совершенно прохладными.

– Вы как? – спросил я.

Переговоры не казались мне ненормальными.

Я был не безмозглым мачо, я не мог причинять женщине неудобства.

– Терплю. Внутри ураган, но привыкну.

Импульс, пробежавший по Ольгиному телу, в самом деле напомнил преддверие торнадо.

– Поцелуйте мне грудь, пожалуйста.

Я подался вперед, нагнулся, поймал губами сосок.

– Сильней. Целуйте сильно, кусайте. Тут хочется чтобы было больно.

– Но...

– И попу, пожалуйста, сдвиньте мне по сильнее.

Слияние с Ольгой из-за всех этих реплик казалось до ужаса обыденным и шло вразрез с классическими штампами.

Тут не было намека на какие-нибудь вдохи и выдохи при нарастающей Луне.

4

– Все. Ура, получилось.

Слова прозвучали спокойно, точно речь шла о том, что Ольга впервые испекла новый пирог и он вышел не сырым и не сухим, а идеальным.

В российской культуре о сексуальном удовольствии полагалось говорить иначе.

На самом деле слов сейчас не требовалось – никаких вообще.

Невозможно было симитировать счастливо покрасневшее лицо; да и влага, пролившаяся между нами, относилась не ко мне.

Удивило лишь то, что у Ольги «получилось» со мной с первой попытки.

Вероятно, сестры выходили из привычного разряда.

– Спасибо вам, Виктор.

Я оторвался от Ольгиной груди.

Потянувшись, она поцеловала меня со всей возможной нежностью.

– Теперь...

– Простите, Виктор, – перебила Ольга. – Вы все-таки для меня великоваты, я к вам еще не привыкла. Вы, пожалуйста, завершите с Таней. У нее писька широкая, ей будет в самый раз.

– А где она? – спросил я, словно это имело какое-то значение.

– Да вон они там с Валерием.

– Где?

– Вон же, вон.

Ольга взмахнула руками, повеяло вспотевшими подмышками.

– Извините, Виктор, не сообразила. Вы спиной к окну, а я видела их всю дорогу, это меня так воткнуло...

Она слезла на пол.

Я поднялся, обернулся, наклонился к окну – слишком низкому для моего роста.

Внизу на площадке лестницы, соединяющей террасы, сквозь мельтешение листьев белели два тела, плотно прижатые друг к другу.

Татьяна стояла прямо, держась за стволы раздвоившейся яблони; можно было подумать, что она просто глядит в туману даль за рекой под обрывом.

Однако движения загорелой Валеркиной задницы говорили, что эти двое не теряют времени даром.

– Пойдемте туда, с Таней разрядитесь.

– Но...

– Не волнуйтесь, она может трахаться целый день без перерыва. Только разгорается сильнее и сильнее. Вы ей сейчас будете кстати.

По лестнице Ольга спускалась вперед меня.

Она, конечно, была очень хороша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.